

современная сербская проза

ФИЛИП ДАВИД

ДОМ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ

«История о человеке, против которого действуют смерть, зло, судьба и которого поддерживает память как сила, превосходящая все»

Novosti.rs

ПРЕМИЯ
NIN
AWARD

Филип Давид

Дом памяти и забвения

Издательство "Livebook/Гаятри"

2014

УДК 82-3
ББК 84

Давид Ф.

Дом памяти и забвения / Ф. Давид — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2014

ISBN 978-5-907428-88-1

Этот роман порождает надежду, что человек может скрыться даже от абсолютного зла. Спрятаться от него, оказаться сильнее любых обстоятельств. Альберту Вайсу удастся выжить во время Холокоста, однако воспоминания преследуют его всю жизнь, как и звук поезда, уносящего родителей в Аушвиц и превратившего младшего брата в птицу. Много лет спустя, гуляя по Нью-Йорку, Альберт натывается на Дом памяти и забвения – зайдя внутрь, можно навсегда забыть все, что так долго его терзает. Но разве не память дает нам истинное знание о самих себе? И что, если кроме мира физического, пропитанного злом, есть и другой – тонкий, потусторонний? Не исчезнут ли из него дорогие ему люди, если Альберт сотрет мучительные образы из памяти? Роман Филипа Давида, выдающегося современного сербского писателя, – лоскутное одеяло из воспоминаний, писем и видений – иллюстрирует теорию Ханны Арендт о банальности зла и коллективной ответственности за содеянное и одновременно опровергает ее.

УДК 82-3

ББК 84

ISBN 978-5-907428-88-1

© Давид Ф., 2014
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2014

Содержание

Шум	6
Введение,	7
Сон Альберта	10
Первая глава, которая посвящена размышлениям о границах допустимого и попыткам эти границы перейти. Из дневника Альберта Вайса	11
Вторая глава	13
Третья глава	17
Четвертая глава	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Филип Давид

Дом памяти и забвения

«И наконец, будучи всеми или кем-то, он представляется перед нами словно бы он – Никто конкретный. Итак, мы подходим к его первой уловке – заставить нас сомневаться в самом его существовании».

Дени де Ружмон, «Доля Дьявола»

«Однажды обнаруживаешь, что тебя нет. Ты разбит на тысячу кусков, и у каждого куска свой глаз, нос, ухо. ...Куча осколков».

Людмила Улицкая, «Люди нашего царя»

«Есть только два способа прожить жизнь. Первый – будто чудеса не существует. Второй – будто кругом одни чудеса».

Альберт Эйнштейн

КУЋА
СЕЋАЊА И ЗАБОРАВА

Published by agreement with Laguna, Serbia

Перевод книги публикуется при поддержке Министерства культуры Республики Сербия

Република Србија
Министарство културе

Copyright © 2014, Filip David

© Лариса Савельева, пер. на русский язык, 2023

© ООО «Издательство «Лайвбук», 2023

Шум

Этот звук... доносился часто. Движущийся поезд. Колеса поезда в движении. Поначалу я не мог определить, откуда доносится звук. Он будил меня среди ночи. Я вставал, открывал окна, пытался определить в темноте источник шума. Безрезультатно. Поблизости нигде не было ни железной дороги, ни станции.

Я закрывал уши ладонями, прятал голову под подушкой. Ничего не помогало. Нудный, однообразный шум не прекращался.

Бум-чиха-бум-бум-чиха-бум.

Я одевался, выходил из дома, бродил по пустынным улицам, надеясь максимально удалиться от однообразного звука движущегося поезда.

Звук сопровождал меня. Он был со мной, во мне, неистребимый. И доводил меня до безумия.

Бум-чиха-бум-бум-чиха-бум.

Вдруг он исчезал. Но я знал, что он снова появится. С каждым разом становясь громче, упорнее, невыносимее.

Введение, которое рассказывает о случайной встрече, во время которой задается вопрос о том, predetermined ли наша судьба, объясняется, что такое дэмон, и делается вывод о некоторых жизненных заблуждениях. Из дневника Альберта Вайса

В начале 2004 года я участвовал в международной встрече в белградском отеле «Парк», она называлась «Преступление, примирение, забвение» и была устроена Европейским союзом. Встреча, как и многие подобные, проходила в основном в академической атмосфере. Большая часть времени ушла на тщетные попытки определить природу зла и выявить его философскую, теологическую и человеческую сущность. Злом мы называем многое – от природных катастроф и болезней до насильственной смерти, войн, преступлений. Но когда речь заходит о самом преступлении, то главным образом повторяются разговоры о банальности зла, то есть тезис, сформулированный Ханной Арендт после суда над Эйхманом в Иерусалиме. Многие из выступавших подчеркивали, что, узнав это, госпожа Арендт в конце концов смогла спокойно спать, уверенная в том, что преступление масштабом с Холокост больше никогда не повторится и что такое могло бы произойти лишь в том случае, если бы зло было чем-то метафизическим, чем-то за пределами человеческого разумения. В отеле «Парк» во время выступлений с рефератами разных ораторов я заметил в заднем ряду мужчину, который очень внимательно слушал все, что говорят, но явно не относился к кругу участников дискуссии.

После официальной части вечера в просторном ресторане отеля «Парк» проходили в интересных разговорах, с гораздо меньшей напряженностью и гораздо большей расслабленностью, потому что большинство из нас были знакомы друг с другом еще в те времена, когда мы жили в общем отечестве и у нас были схожие воспоминания и даже дружба. Почти как анекдоты пересказывались страшные истории об уголовниках, убийцах и грабителях, которых выпускали из тюрем, и они отправлялись на передовые боевые позиции, о соседях, которые с пробудившейся фанатической религиозной и националистической ненавистью резали друг друга. Зло потом объяснялось криминальным прошлым, примитивностью, дурным воспитанием и плохим образованием, отклонениями в развитии характера, традиционностью мироощущения, манипуляциями политиков, то есть всем тем, что человеческой природе всегда было свойственно, а вовсе не чуждо. Во всех этих историях присутствовала мысль, которая в толковании зла подчеркивала нечто примитивное, грубое, нечто действительно банальное и объяснимое.

– Понять значит и оправдать, – воспротивился общему тону разговора один голос. – Это слова одного великого писателя, который на себе почувствовал огромные размеры зла и преступления. И который сказал, что когда заходит речь о зле, надо бы выдумать и использовать новый язык, ибо с помощью нашего способа говорить и думать глубина зла не может быть выражена.

На мгновение воцарилась тишина. В этом человеке я узнал того самого незнакомца с заднего ряда в конференц-зале.

– Я приезжаю на такие встречи для того, чтобы услышать все возможные толкования и попытаться понять природу и силу преступления, против которого нет защиты, перед судьбоносной силой которого мы беспомощны.

Возможно, где-то еще эти слова могли показаться неуместными, даже трагикомичными, но этот человек говорил смиренно, с гипнотической уверенностью в себе, что на мгновение вызвало тишину в зале, и присутствующие стали слушать его внимательно. А он продолжал:

– Мне хотелось бы, чтобы объяснение было столь же простым, как и некоторые доклады, которые мы сегодня слышали, а именно, что зло и преступление это всего лишь дело криминальных типов, преступных идеологий, людей, ставших жертвами манипуляций, и ярых фанатиков. Если бы я смог сам уверить себя в том, во что поверила Ханна Арендт, возможно, и я спал бы спокойно. Однако мой сон – это всего лишь ужасный, непрерывный кошмар, ибо такие утверждения никем не доказаны и ничем не подкреплены, они лишь обманывают нас в наших иллюзиях, что мы, придав преступлению совершенно человеческое лицо, взяли его под контроль.

В этот момент снова появился официант с полным напитками подносом, и воцарившееся было внимание ослабло. Участники встречи снова загалдели, и, как это часто бывает в таких компаниях, кто-то неуместно пошутил насчет незваного гостя, и только что начатую им тираду никто больше не слушал. Тогда тот человек повернулся ко мне, стоявшему рядом, упорно надеясь найти для своей истории хотя бы одного слушателя.

– Впервые я еще ребенком задумался о самой природе преступления, когда столкнулся с ужасом непонятого умирания, несправедливого, бессмысленного, назовите как хотите. Знаете, бывает, что кто-то проживает свой век, ни разу не увидев мертвого человека, а кто-то другой задыхается от постоянного присутствия смерти и наяву, и во сне. Мне было десять лет, когда началась Вторая мировая война. Я жил с родителями в провинциальном городке, который оккупировали немцы. В наш дом подселили семейство фольксдойче. У них был сын, немного старше меня. Мы с ним подружились. Как-то раз он сказал мне, что мой отец арестован и что сегодня после полудня его расстреляют вместе с остальными заложниками. Я рассказал об этом матери, она сказала, что это детские выдумки, отца отпустят. Но мой новый товарищ схватил меня за руку. «Я никогда не вру, я слышал это от папы. Пойдем, сам увидишь!» Он повел меня к бывшему фабричному двору, мы спрятались за земляной насыпью. Ждали недолго. Немцы поставили два пулемета, а потом вывели из барака группу людей со связанными руками. Среди них я увидел отца. Тут у нас на глазах начали стрелять. Я увидел, как отец падает. Он был сильным, высоким мужчиной в расцвете сил, никогда ничем не болел. Та бессмысленная отцовская смерть, свидетелем которой я стал, сопровождала меня все мое детство и молодость. Да, это было самое ужасное чувство: понять, что какое-нибудь такое преступление совершается без смысла и без причины, что смерть может настичь любого, случайно выбрав его на улице среди тысяч людей. А своих убийц он даже не знал, и они тоже не знали его, это была совершенно абсурдная смерть, ужасное преступление. С того дня я онемел, утратил способность говорить, и мне потребовалось много времени, чтобы снова заговорить, благодаря усердному вниманию матери и заботе и любви младшей сестры.

Шум за столом усиливался с каждой новой бутылкой вина. О незваном госте все забыли – все, кроме меня, слушавшего его историю из любопытства и из приличия.

– Сейчас, когда я рассуждаю об этом значительно позже, мне ясно, что то трагическое событие определило мою дальнейшую судьбу, что это было своего рода печатью, «красным клеймом», которое навсегда отметит мою жизнь. Знаете, это то, что я пытаюсь доказать вам, человеку, который теоретически занимается вопросами преступления и наказания, жертвы и палача, – а именно, что все это невозможно полностью охватить не только разумом, но и эмоциями, что существует нечто над этим. Древние греки силу «ведущего, который идет рядом с нами и который помнит наше предназначение», называли «даймон».

Тут мой собеседник на мгновение замолк.

– В каждом человеке обитает таинственное, непознаваемое, нечеловеческое, нематериальное существо, которое управляет его судьбой. Мою мать отправили в лагерь, и там она скон-

чалась, даже не увидев лиц своих убийц. И та смерть была анонимной. Так же как и насильственная смерть моей сестры в день освобождения от руки разъярившегося бойца, у которого произошел нервный срыв и он принялся убивать всех, одного за другим, кто оказался поблизости. Не так давно я потерял и дочку. Она погибла в Сараеве от пули снайпера. Тут, уважаемый мой господин, нужно говорить не о банальности преступления, а о даймоне, который для кого-то ангел-хранитель, а для кого-то судья и исполнитель наказания, о действии чего-то мощного и неприкасаемого, чего-то такого, что мы не можем объяснить. Я убежден, что над каждым отдельно взятым человеком, над каждой семьей, над целыми народами есть та таинственная сила, которая называется даймоном. Она их ведет, спасает или же уничтожает. Разве можно рассуждать о банальности зла, когда все эти смерти, смерти самых дорогих мне людей, и не только их, но и смерти многих других людей, хоть и совершенные рукой человека, в действительности дело убийц без лица, анонимных палачей, которые вообще не знали, кто их жертвы. Я сам, в отличие от госпожи Ханны Арендт, с рассуждениями которой о банальности зла здесь соглашаются, уверен, что зло имеет космическую природу, что оно иррационально и неудержимо. Грех, наказание, прощение, утешение – все рассуждения об этом бессмысленны и фальшивы.

Я видел, как в уголках глаз этого человека появляются слезы. Он отер их рукой. Я хотел что-нибудь сказать, выразить запоздалое сочувствие, но ничего не произнес. А он как будто бы застенялся после всего, что сказал. Встал, не попрощавшись, повернулся и ушел. Я не успел спросить, как его зовут, в сущности, мы с ним даже толком не познакомились.

Возможно, со временем я и забыл бы о нашей встрече и о его необыкновенной исповеди, если бы не произошло нечто, освежившее мои воспоминания. Несколько дней назад в телевизионных новостях сообщили о взрыве бомбы в переполненном пассажирами автобусе, совершенном психически ненормальным мужчиной. Показали фотографии жертв. На одной из них я узнал лицо человека, который тогда, вечером, рассказывал мне о беспощадном насильнике, даймоне, о мифическом существе, которое связывает нас с потусторонним миром.

Сможем ли мы когда-нибудь наверняка узнать хоть чуть больше о том сокровище от нас, таинственном глашатае жизни и смерти, об этом ангеле спасения и ангеле уничтожения, который, оставаясь в глубокой тени, распоряжается нашими судьбами?

Сон Альберта

Альберт видит волнующий сон.

Он находится на одинокой провинциальной железнодорожной станции.

Здание станции обветшало, от стен отваливаются куски штукатурки. За двумя грязными окнами можно разобрать лица станционного персонала. Это некрасивые, старые лица отслуживших свое почтовых и железнодорожных работников.

Все окутано зловещим полумраком. Небо серое, на окрестные поля опустился туман.

Альберт стоит на перроне и ждет. Чего и кого ждет, он не знает.

Вдруг из полумрака появляется колосс с двумя горящими глазами. Это локомотив тянет десяток вагонов. Слышен лишь стук колес. Это вызывает у Альберта чувство страха. Даже паники. Ему хочется бежать с этого перрона, на который он попал сам не зная как. Но он не может.

Черный локомотив тянет за собой неосвещенные вагоны.

Поезд въезжает на станцию, слегка замедляет движение, но не останавливается. Однако Альберт видит прижавшиеся к окнам вагонов лица. Это не лица живых людей.

Это мертвецы, речь идет о поезде мертвецов.

И среди однообразного шума, который вызывает озноб и ужас, до Альберта доносится голос, который перекрикивает весь шум, детский голос.

– Братик, спаси меня! Здесь так темно!

Это голос его маленького брата Элиаха.

Кричит ему: «Не бойся, Эли, я здесь!»

Но только и может, что взглядом проводить удаляющийся поезд.

Просыпается весь в поту. Сон глубоко врежется в его сознание.

Первая глава, которая посвящена размышлениям о границах допустимого и попыткам эти границы перейти. Из дневника Альберта Вайса

Записи в дневнике заполнили много листов бумаги, было такое время, когда я писал из ночи в ночь, охваченный какой-то, не побоюсь сказать, сумасшедшей энергией, я записывал даже самые смелые мысли, самые удивительные свидетельства и переживания, которые, как я был уверен, приближали меня к объяснению всего того, что мы пережили. И когда я поверил, что выбираюсь из этого мрачного, запутанного лабиринта, что уже приближаюсь к пониманию тайного механизма его запутанных путей, все проходы вдруг начали закрываться, рука меня подводила, мысли превращались в хаотичные бессвязные слова. Я перестал писать, делать заметки, быть свидетелем, мне больше не удавалось придать форму ни одной связной мысли. То, что я днем записывал на белом листе бумаги, ночью само стиралось, исчезало, словно никогда не было записано. Иногда я в каком-то приступе вдохновения воображал, что пишу «черным огнем по белому огню», как была написана мистическая Тора. Не дай Бог сравнивать себя с таинственным писателем текста, который гораздо больше самого текста, который сам есть жизнь, существование для себя, живой организм, который в себе содержит и смысл своего существования. Временами у меня было впечатление, что слова, которые я тщательно выписываю на бумаге, оставляют свой огненный знак, образуя на моих руках болезненные ожоги, что некогда случалось, как можно узнать из древних рукописей, с любопытными, которые недостаточно подготовленными пытались раскрыть знания и тайны, несущие печать высших сил.

В страхе, что перешел границы дозволенного, я оставлял части рукописей недописанными и разбросанными. Переставал писать, рукописи убирал в кладовку, с пола и до потолка набитую похожими бумагами. Десяток дней, иногда и дольше, я хранил исписанные страницы в своей сокровищнице, прятал их – от кого? От самого себя? Не знаю. Знаю только, что, снова перелистывая эти бумаги, я наткнулся в основном на нечитаемые и путанные тексты. Тем временем с моими рукописями что-то происходило. Я открывал, могу в этом поклясться, фрагменты, дописанные почерком, похожим на мой, что, как я предчувствовал, должно было довести меня до полной путаницы, до уверенности в том, что я теряю разум и погружаюсь в безумие. Смысл, я в этом уверен, должен был быть следующим: есть области, входившие в которые не дозволено, которые находятся под надзором сил, больших и сильнейших, чем человеческие.

Были моменты, когда моя рука сама собой замирала, а сознание мутилось. Меня охватывала слабость, я с трудом мог встать, да и то лишь держась за какую-нибудь надежную опору, земля уходила у меня из-под ног, случалась потеря сознания. Неизвестная болезнь валила меня в кровать, а в голове воцарялся хаос. Я пытался контролировать собственный разрушенный ум, не понимая, что и почему со мной происходит.

Врачам не удалось определить вид моей болезни. Симптомы: головокружение, высокая температура, боли во всех частях тела, сны – предостерегающие, тяжелые, мучительные, голос, который только я один слышу, угрожающий, предупреждающий и призывающий прекратить мою писанину.

Пытаюсь обнаружить, почему было столько несчастий в человеческой судьбе, каково это – из спокойной и упорядоченной жизни входить в беспокойные, беспорядочные времена, где жизнь теряет всякую ценность. Откуда приходит, где скрывается то зло, которое все выворачивает наизнанку, а потом отступает, оставляя после себя пустыню в людях и вокруг них? Сопроотивляюсь состоянию беспомощности, отчаяния и паники, расслабляясь и закрывая глаза. Вдыхаю обеими ноздрями, представляю себе, как воздух проходит через все мое тело, наполняя его новой энергией. Применяю к себе то, что называется «простые дыхательные упражнения»,

из точки, которая бесконечно удалена, с края Вселенной. И тогда чувствую облегчение, непродолжительное, но все же облегчение. Похоже – а в этом я все больше уверен, – что некоторые вещи не смеют или не могут быть написаны. Не потому, что никто этого не хочет, а потому, что это недопустимо. Не волей людей, а какой-то волей, которая в состоянии обуздать руки, которые пишут, голову, которая мыслит, силой, которая сильнее всего, что мы есть, что мы были или чем мы будем.

Вторая глава

Посвящается воспоминаниям об отце и его пророческих видениях

Мои самые первые воспоминания простираются до далекого и глубокого прошлого. В мои воспоминания врезался строгий, но праведный образ деда, польского раввина из Львова. Отец семейную традицию не продолжил, он принадлежал к волне просвещенных евреев, которые отрицали традиции, говорили по-польски, по-русски и по-немецки и стыдились идиша как языка центральноевропейских еврейских бедняков. С моей матерью он познакомился совершенно случайно во время поездки по Сербии. Она была из семейства сефардов. Это те евреи, которые были изгнаны из Испании, и их языком был ладино, представлявший собой смесь старого испанского и славянских слов. Ее отец имел в К. магазин. Семья была многочисленной, девять детей. В доме на почетном месте, на полке шкафа со стеклянными дверцами, среди фарфоровых тарелок, рядом с менорой на перламутровой подставке лежал довольно большой массивный ключ – старинная семейная реликвия, передававшаяся от одного поколения к другому, через дедов, прадедов и более далеких предков, ключ от ворот дома в Севилье, откуда Берахи, наши предки по материнской линии, были изгнаны под угрозой инквизиции и по приказу королевы Изабеллы. Ключ сохранен как поблекшая тоска по Испании, как воспоминание о давней семейной саге. Это рассказ о молодом Симоне Берахе, который после кораблекрушения ступает на землю Средиземноморья и присоединяется к группе паломников. Во время странствия с ними по святым местам он слышал чудесные истории и пережил несколько приключений. Эти истории в нашей семье передавались устно, в виде предания, где соединялись реальные события и каббалистические аллегории. В сущности, это рассказы о долгих скитаниях, об изгнании, бездомности, о жизни, которые непрерывно напоминают, что мы всего лишь гости в чужом мире.

Отец и мать встретились в двадцатые годы прошлого века и, как часто устраивает нам судьба, случайная встреча на семейной вечеринке решила их будущее. Браки между ашкенази и сефардами бывали нечасто. Ашкенази, как в случае моего отца, были представителями еврейской аристократии, а сефарды, в свое время горделивая часть испанской культуры, со временем стали типичной балканской и еврейской беднотой.

По какой-то из семейных линий отец был родственником известного Гудини, настоящее имя которого Эрик Вайс. Эрик был одним из шестерых детей раввина Майера Вайса. Этот великий иллюзионист достиг совершенства в умении исчезать из закрытого пространства, освобождаться от цепей, то есть в искусстве, граничащем с невозможным. Отец часто в шутку, а позже и совсем серьезно, говорил о том, как все Вайсы делят это наследие.

Близкий отцовский родственник был назван именем Эрик в честь прославленного иллюзиониста. Этот родственник был одним из немногих в семье Вайс, выживших в Холокост, но позже его следы исчезли. По некоторым непроверенным сведениям, он после всего пережитого окончил жизнь в прибежище душевнобольных.

В 1937 году отец вернулся из деловой поездки по Австрии и Германии очень встревоженным. Гитлер уже пришел к власти, нацисты приняли свои законы о расах. Остановить события, которые последовали, было невозможно.

Отец говорил о том, что мир вокруг нас закрывается и становится опасным и что он, глава семьи, должен придумать способ, как нас сохранить живыми и защитить. Его картина упорядоченного мира рассыпалась. В мире, устроенном по естественным природным и общественным законам, было бы невозможно все то, что происходило. Он ясно видел зло, которое приближалось со страшной скоростью. Тот мир, в который верили, что он упорядочен, что в нем

существуют какие-то неприкосновенные ценности, стоял перед крахом, перед исчезновением. Зло распространялось очень быстро, почти не оставалось времени что-либо предпринять. Все вдруг перевернулось. Многим было непонятно, как и почему.

Наша жизнь связана со всеми другими жизнями даже тогда, когда мы этого не хотим. Весь мир – это одна книга, составленная из множества слов, и эти слова перемешались. Тот, кто сумел раскрыть и прочесть истинные, сущностные значения, мог догадаться обо всем ужасе того, что приближается. Доктор Фрейд называл это состояние «устрашающая нормальность зла». Того доктора я упоминаю не случайно. Моя бабушка носила фамилию Фрейд и была любимицей венского терапевта.

Отец начал колебаться. Возможно, он слишком уверовал в рациональность мира, а может быть, слишком легко отрекся от мистических преданий своих предков. Становилось все очевиднее, что миром владеют не рациональные, а иррациональные силы. Все стремительно несло к катастрофе, к самым ужасным событиям, которые еще тогда видели одаренные «третьим глазом», – казни, массовые уничтожения, разъединения целых семей на пути к фабрикам смерти. Да, клянусь всем, что для меня свято, – мой отец в своих пророческих видениях уже видел события, которые еще только должны были разыграться. Благодаря мощному дару чтения будущих событий он слой за слоем открывал значения того, что происходило, открывал будущее, которое пряталось в настоящем. Он говорил нам, матери и мне, с неподдельной уверенностью, с отчаянием или надеждой, что рядом с нашим миром существуют и другие миры, тайные, скрытые, наряду с этой жизнью – иные жизни в иных параллельных измерениях.

Элиаху тогда было всего два года. Он еще не понимал, в какой мир входит. Так же, как и я, правда не настолько. В свои шесть лет я был убежден, что уже принадлежу к миру взрослых. Отец с гордостью говорил, что на меня можно положиться, а это еще как важно в мрачные и опасные времена. Я воспринял это как огромную похвалу.

Забота о брате Элиахе была доверена мне. Я его очень любил. Нас с ним учили тому, что мы оба с ним одно целое, что я как старший брат никогда не должен оставлять его одного или бросать в беде и обязан научить всему, что в жизни важно. Я воспринял это очень серьезно. «Мой маленький большой брат», – шептал я над ним, укачивая его в кроватке. Элиах был очень нежным, почти прозрачным, он только что начал выговаривать первые слова. Считается, что дети, которые начинают поздно говорить, более смысленные, они мудрее других детей, способны рассчитывать и оценивать, а когда заговорят, говорят зрело и умно.

Я все-таки смотрел на мир детскими глазами, наивно веря, что существует только то, что вселяло в меня уверенность: мои родители, родственники, друзья, мой брат Элиах, вещи, до которых я мог дотронуться, смена дней и ночей, смена времен года.

Все более заметное беспокойство отца, его все чаще плохое настроение и несвязная речь производили такое впечатление, что он постепенно теряет контакт со средой, в которой мы живем, и втягивает нас в какую-то мрачную авантюру, отделяет от близких нам и понятных вещей, от мира, который принадлежал нам и которому принадлежали мы. Ведь, действительно, такое поведение отца после его возвращения из поездки в Вену и Берлин отравляло мою душу страхом, страхом неизвестного. Меня и по сей день время от времени охватывает невыносимая слабость, стоит мне вспомнить те дни: неужели обожаемый мною отец, которому я верил беспрекословно, вдруг погрузился в какую-то разновидность безумия, пока я жил в опасной иллюзии постоянства и неизменности видимого мира, под покровительством которого находился.

Я был слишком маленьким, еще неопытным, чтобы суметь оценить суть этого изменения, которую заметили не только мы с мамой, но и окружающие.

В сущности, все вытекало из заботы о нашем существовании. В сложной жизненной ситуации, когда отец раньше многих других понял, что возникла трещина, которая постоянно расширяется и превращается в пропасть, откуда хлещет мрак апокалиптических размеров, отец

занял позицию нашего защитника, что, впрочем, несомненно и было его обязанностью, пытаюсь найти какое-то безопасное место, далекое и защищенное от любой угрозы. То, что через какой-то год многим покажется исчезновением всего человеческого, он видел уже тогда совершенно ясно, и это, разумеется, было не обычным смятением или беспокойством, а воцарившимся внутри ужасом, паникой, которые ему не удавалось обуздать и остановить. Если безумие – это то, что описывается как несоответствие «опыту коллективного здравого разума», то он действительно был безумен. Но что представлял собой этот «коллективный здравый разум»? А не что иное, как опасное заблуждение. Единственным стремлением моего отца, назовем это и безумным стремлением, было стремление спасти нас, избавить от того, что в наступающих временах несомненно ждало нас.

Что же могли сделать и что делали те немногие, у кого было чутье, ясное видение приближающегося Армагеддона? Существует история, совершенно реальная, одного болезненно озабоченного отца, который начал травить своих детей сперва небольшими дозами «Циклона Б», а потом постепенно увеличивал его количество, чтобы у малышей сформировалась устойчивость к смертоносному газу. Откуда этому заботливому отцу уже тогда, за несколько лет до начала широкого использования отравляющего газа, было известно, что этот газ станет незаменимым средством массового уничтожения людей? А он знал, у него было чутье. Было озарение. Некоторым людям дана способность видеть события, которые еще только наступят, с такой ясностью и убедительностью, как будто речь идет о чем-то, что вовсе не будущее, а суцая реальность.

Выбор был мал. Следовало найти безопасный, но надежный способ исчезнуть. Скрыться из сферы опасности. Признаю, и мама, и я с недоверием согласились с отцовскими идеями о том, каким образом можно сделаться невидимыми или крохотными до незаметности. Мама говорила наполовину в шутку, наполовину всерьез, что уменьшение наших размеров до незаметности, если бы нам удалось открыть механизм такого превращения, дело все же опасное. Мы оказались бы в новой опасности – кто-нибудь мог случайно или намеренно нас раздавить. Таким образом, опасность по-прежнему существовала. Отец сердился из-за того, что в словах матери наряду с сомнением отмечал и здравый смысл, а это, по его мнению, не только абсурдное, но и глупое поведение во времена, когда здравого смысла больше не было.

Гораздо позже я убедился в том, что, в сущности, в жизни возможно все и что зачастую даже самые сложные вещи бывают одновременно и самыми простыми.

Исчезнуть можно разными способами. Один из способов – это стать кем-то другим. До вчерашнего дня ты существовал как Альберт Вайс, а с сегодняшнего дня Альберта Вайса больше нет, существует кто-то другой, с другим именем, кто-то, кто прекрасно вписывается в мир, перевернутый вверх ногами. Ты был – и больше тебя нет. В моем детском сознании это выглядело как что-то ужасное, устрашающее. Это значило потерять все, что было для тебя важным: родителей, друзей, себя самого.

Позже, ненамного позже, многие осуществили одну из форм исчезновения. Путь без возврата в раскаленные печи Аушвица. Это была конечная точка мира, доведенная до полного распада.

Отец же под исчезновением подразумевал все-таки нечто иное: отсутствие, невидимость. Он верил в мощь ума и силу слова. Сегодня мы определенно знаем, что наш мир не материален, это доказывают ученые и все более сложные законы физики, которые добираются до самой сердцевины и сущности так называемой реальности. Сегодня известнейшим физикам, по их собственному признанию, почти не о чем говорить друг с другом, но зато они участвуют в беседах с известными мистиками. Физика перешла границы понимаемого и проникла в сферу метафизики. То, что сегодня доказывают с помощью самых совершенных приборов, избранные люди, мистики, узнали и доказали интуитивно. Научно доказано, что существуют разные

формы исчезновения, теоретически доказуемые, а отец пытался добиться их практического применения. Трагический факт состоит в том, что он надолго опередил свое время.

Пока по всему миру распространялась паника и во многих странах принимались законы о расах, мы сидели в затемненной комнате и выглядели как жертвы, которые беспомощно ожидают своих палачей. Но так могло показаться лишь кому-то, кто наблюдает извне. Самообладание или же контроль над собой были одной из первых выученных нами лекций. Мы работали над изменением собственного облика и изменением действительности, в которой жили. Воистину, целью, поставленной отцом, было достижение высшего состояния рассудка.

– С помощью успешного контроля над умом, – говорил отец, – можно овладеть тем, что видит внутренний глаз. А это означает переход в некоторые иные пространства реальности, где можно найти надежное укрытие, где можно быть в безопасности, скрывшимся, невидимым, отсутствующим в том мире, где для нас больше нет места и где мы зависим от милости и немилости любого негодяя.

В совершенно темной комнате отец зажигал свечу. Глядя на пламя свечи, мы произносили стихи песни «Когда страх, как скала» старого испанского поэта Шем-Тоба бен-Иосифа ибн Фалакеры.

Если память меня не обманывает, эти стихи звучали так:

*Когда страх, как скала,
Я становлюсь молотом.
Когда печать становится пламенем,
Превращаюсь в море.
Когда это случается,
Мое сердце получает силу,
Как луна, что светит ярче,
Когда все покрывает черная ночь.*

Со временем мы хорошо натренировались в поисках путей перехода из одной реальности в другую. Возможно, мы, будь у нас больше времени, даже совершили бы такое путешествие. Однако нельзя было забывать то обстоятельство, что мы могли исчезнуть в одном из тех неизвестных нам и неизведанных миров, быть проглоченными раз и навсегда. Поэтому мы учились и тому, как с помощью определенных символов, букв и знаков поддерживать связь с той реальностью, от которой хотели временно спрятаться.

В книге одного каббалистического мистика написано: «Взлет радостен, но перед полетом надо узнать, как снова опуститься вниз».

В том мире я был учеником, не закончившим обучение. Или же, может, лучше было бы сказать, что я был лишь немного приучен к этому миру. Мне не хватало лет, веры, опыта. А когда я однажды расстался с отцом, матерью и братом, то стал не Альбертом Вайсом, а иностранцем в чужом мире, пареньком, объатым страхом и ненавистью.

Но я всегда буду помнить слова отца: «Когда тебе кажется, что все пропало, просто закрой глаза. Это самый быстрый путь избавления. В нас самих, да и вне нас, существует еще много миров, в которых наши преследователи – и люди, и злые духи – нас не найдут».

Третья глава «Не плачь, мой малыш»

Мы ехали уже два дня и две ночи, хотелось пить, мы были голодны. Спали на твердом полу, с трудом найдя место в переполненном людьми вагоне. Элиах время от времени начинал плакать, но на руках у матери успокаивался. Она тихо напевала ему, только ему:

*Не плачь, маленький мой, Мессия придет.
Когда придет?
Скоро придет.
Какими будут те дни?
Радостные дни, дни песен,
Дни счастья,
Аллилуйя, мой малыш!*

Я верил в способность отца найти выход из любой ситуации, которая может нам угрожать. Именно этим он и занимался.

В гаме, который состоял из перестука колес, плача детей и голосов впавших в отчаяние взрослых, отец упорно и осторожно проводил в жизнь свой план. Ножом, который он каким-то образом умудрился незаметно пронести в поезд в сапоге, заслоненный нашими телами, он постепенно расширял щель между досками нашего вагона для перевозки скота. По его лицу катился пот, мать его то и дело вытирала. Свою работу он делал медленно, щель расширялась почти незаметно, но я знал, что отец справится. Он был не из тех, кто сдается или отступает. В его жилах текла кровь великого Гудини, сына раввина Эрика Вайса, который своими побегами изумлял весь мир.

К полуночи отец расширил отверстие. Я смог увидеть полную луну, которая сопровождала нас, и покрытые снегом поля под ее призрачным сиянием.

– Альберт, – прошептал он, – мы скоро расстанемся. Некоторое время вы будете одни. Вспомни все, чему я тебя учил. Смотри за Элиахом. У него не будет никого кроме тебя. Береги нашего маленького Элиаха. – Тут он обнял меня. – Мы встретимся снова, мы будем вместе, в этой или в какой-то другой жизни.

Он подошел ко мне совсем близко, чтобы поцеловать. Я увидел слезы в его глазах. Одна капнула на мою руку. След, горячий след, который она оставила, я чувствую и сегодня.

Он ждал, чтобы поезд замедлил ход. Элиах крепко держался за мать. Она всхлипывала, но выбора не было. Она грубо оторвала его от себя. Отец схватил Элиаха. Последнее, что я помню, был взгляд обезумевшего Элиаха. Он ничего не понял. Не понимал, что происходит, почему он не может остаться с нами.

Отец протолкнул его через отверстие, которое сделал. Элиах скользнул в ночь.

– Теперь ты, – сказал отец.

Я попытался протиснуться, но мне не удалось.

Отец вонзил нож в дерево и принялся расширять отверстие. Минута проходила за минутой.

Кое-как я протиснулся. Упал в снег.

Приподнялся и в свете луны увидел удаляющийся поезд, увозящий моих самых любимых – отца и мать.

Я пошел вдоль путей, ища Элиаха. Сначала я тихо повторял вслух его имя, а потом принялся как можно громче кричать, что я здесь, что иду к нему, что пусть он подаст голос. Я

свернул с железной дороги и вошел в лес в поисках хоть каких-то следов. Ничего не нашел. Повсюду меня окружала тишина, страшная тишина. Меня охватила усталость. Мой голос звучал все слабее. Я шел то налево, то направо. Близились утро.

Элиаха я не нашел. Это было предательством, многосторонним предательством. Я предал любимого брата. Я предал мать и отца. Я завыл от боли, один в безграничной белизне, с единственным желанием заснуть, умереть и больше не пробуждаться.

Четвертая глава

Содержит исповедь фольксдойче Йохана Крафта перед следственными органами в N. 1945 года

Я родился в городке N. на берегу Дуная. Здесь я провел детство, здесь женился. Всю жизнь я прожил в доме на окраине города. Жена родила мне сына, которого мы с ней любили больше, чем кого бы то ни было на этом свете. Но несчастья происходят тогда, когда вы готовы к ним меньше всего, происходят они сурово, неожиданно и моментально меняют течение целой жизни. Весной 1941 года Ганс со своими товарищами купался в реке. Отплыл далеко от берега и попал в водоворот, который утащил его на глубину. Мы искали его тело целыми днями, но так никогда и не нашли. Моя Ингрид словно потеряла рассудок, а может быть, и действительно его потеряла. Сидела в углу комнаты и плакала, а потом онемела, ушла в себя, в тот ад, который открылся в ней. Мне тоже было нелегко, но приходится жить – некоторые вещи, которые случаются, невозможно ни изменить, ни поправить.

Ну так вот, надо сказать, что я был лесничим. Может быть, это и помогло мне принять все как оно есть. Я целыми днями бродил по полям и по лесу, выискивая браконьеров. Война приближалась. Большинство жителей нашего городка были немцами, в том числе и мы, Ингрид и я. Нас называли фольксдойче. Мои соотечественники с радостью ждали прихода немцев, а мне это было безразлично. Правда, я повесил на стену портрет вождя Рейха Адольфа Гитлера, возле иконы святого Георгия, так же как это сделали и все мои соотечественники. Я никого не ненавидел, а мое сердце все еще было наполнено тоской. Когда немцы пришли в наш городок, они были приняты как братья, тепло и дружелюбно. В городке у нас уже давно существовало общество «Культурбунд», которое занималось укреплением связей с Германией. Те, кто был у нас помоложе, надели немецкую военную форму и присоединились к солдатам Вермахта. Я же в своей форме лесничего служил любой власти, в том числе и этой. Многое изменилось, не только власть. Повсюду говорили, что война уже закончилась немецкой победой, но в воздухе все еще витала большая неуверенность. Я реже углублялся в чащу леса, это стало опасно, теперь ты не знал, кого можешь там встретить и от кого без причины можешь получить пулю в голову. В основном я ходил по краю леса, возле железной дороги, только бы не сидеть дома рядом с женой, чьи страдания из-за чувства собственной беспомощности доводили меня до отчаяния. Теперь по железной дороге без обычного расписания, которое я знал наизусть, проходили поезда, везущие солдат на фронт, а с начала осени и товарные вагоны, из которых через широкие щели высовывались пассажиры, пытавшиеся что-то прокричать, но я отворачивался и шел по своим делам. Возле путей я все чаще находил брошенные из таких вагонов и обращенные в никуда и ни к кому записки на разных языках, написанные на клочках бумаги. Эти записки я лишь пробегал глазами и рвал или комкал и выбрасывал, мне было достаточно своих бед, и я не хотел вникать в чужие. И только позже узнал, куда идут эти поезда и кого перевозят. Но я не мог никому помочь, да меня это и не касалось.

Зима 1942 года занесла нас глубоким снегом. Она была из тех мерзких зим, когда даже дикие животные страдают от холода и нехватки еды. Однажды морозным утром, нагрузившись несколькими охапками сена, я отправился хоть как-то помочь лесным зверям. Это вообще-то не входило в мои обязанности, но позаботиться о них было некому. А я воспринимал лес и живущее в нем зверье как нечто доверенное мне на хранение.

Возвращался я, как и обычно, вдоль железной дороги. На одном месте я увидел человеческие следы, это не были следы взрослого человека, в следах-то я разбирался хорошо, они начинались от дороги и вели в необозримую белизну дальних полей и лесов. Начало темнеть, и кто бы ни был их хозяином, мороза бы он не выдержал. Я двинулся по следам и вскоре увидел

на равнине, которая уже начала темнеть от приближающегося вечера, что-то вроде передвигающегося пятна. Это был мальчик не старше семи-восьми лет, плохо одетый и уже посиневший от холода. Увидев меня, он остановился. Было ясно, что у него не осталось сил бежать, а он явно от кого-то бежал. Я взял его на руки и, не имея выбора, понес домой.

Он дрожал у меня на руках. Я чувствовал, как бьется его сердце. Нести ребенка в полицейский участок было поздно, я оставил это на следующий день, сейчас самым необходимым было согреть его рядом с горячей печкой. Его губы посинели от холода, и я прикрыл его своим тулупом. Еле слышным голосом он упоминал своего брата, шептал, что без него никуда не пойдет. Но я готов поклясться, что следов того другого ребенка нигде не было.

Я пробирался по глубокому снегу, спеша как можно скорее попасть домой. Вот так началась та история, которая позже полностью изменит всю мою жизнь. Но тогда я не мог этого предположить. Да и если бы я тогда каким-то чудом предположил что-то, что другое я мог бы сделать?

Я принес мальчика в дом. Увидев нас, Ингрид на миг замерла, словно ожидая чуда, она смотрела на меня так, будто я вернул домой нашего Ганса. Я рассказал, как нашел в снегу мальчика. Она молча повернулась ко мне спиной и ушла в свою комнату. Мальчик всхлипывал без слез. Я снял с него одежду, нашел пижаму нашего Ганса, положил ребенка на кровать и завернул в шерстяное одеяло. Выживет ли он, я не был уверен, все оставалось в руках Божьих.

Разбирая его вещи, я нашел зашитую в его рубашку записку. Мальчика звали Альберт. Его мать просила, чтобы ему помогли. Непонятно как ей удалось вытолкнуть его из поезда. Такие вещи случались. Матери использовали самые разные способы спасти своих детей. Случалось, сбрасывали их в реку, когда поезд проезжал по мосту. Или в канаву, которая шла вдоль железной дороги. Таких детей находили и живыми, и мертвыми, тех, кто выжил, заталкивали в другой проезжающий поезд, который следовал, как шептали друг другу взрослые, далеко на север, в польские лагеря.

Себе я устроил лежанку рядом с его постелью. Около полуночи меня разбудили тихие, почти неслышные шаги. Сон у меня чуткий, просыпаюсь от каждого шороха. Моя Ингрид подошла к мальчику, который спал беспокойным сном, бредил. Подняла свечу, которую принесла с собой, и при слабом свете ее огонька взгляделась в детское лицо. Простояла неподвижно несколько долгих минут. Я испугался, не стало ли ей плохо. Хотел позвать ее по имени, но она как раз в этот момент тихо сдвинулась с места, повернулась и осторожно, на цыпочках, вернулась в свою комнату. Я заснул крепким сном, уставший от всего, что произошло в прошедший день. Когда я снова проснулся, Ингрид опять стояла возле кровати ребенка. Тот тяжело дышал, щеки его горели, он дрожал в своей кровати. Было ясно, что у него высокая температура и лихорадка. Ингрид положила ему на лоб влажные салфетки и растирала его тело нашей домашней ракией. За окном валил густой снег. Если и было у меня намерение этим утром отвести мальчика в полицейский участок, мне пришлось отложить это на другое время.

Меня удивило изменение поведения Ингрид. Она, которая месяцами жила в глубокой депрессии, вдруг словно пробудилась от тяжелого и мучительного сна, из летаргии, она, которой уже долго ни до чего не было дела, сейчас была объята заботой о здоровье этого маленького незваного гостя. И я слышал совершенно ясно, как в первый раз после смерти нашего сына она заговорила. Правда это было всего несколько слов, когда она гладила мальчика и убирала с его лба влажные салфетки. Она ласково говорила ему: «Гансик, деточка моя...» Возможно, нужно было именно тогда остановить все это, вмешаться, крикнуть в полный голос, что мальчик не Ганс, что кто его знает, откуда он, из неизвестно какого города или села, что это маленький еврей, которого я чудом спас. Но нет, я не сделал ничего из этого, напротив, сделал все, чтобы поддержать ее в безумной уверенности, что этот брошенный и заблудившийся малыш – наш Ганс. Я сделал это, да простит меня наш дорогой Бог и да смилуется, с намерением спасти ее от тьмы, в которой она жила, сделать ее безумие менее болезненным, а ее иллюзию – истин-

ной реальностью. А когда я чуть внимательнее разглядел маленького беднягу, то заметил – и я уверен в том, что говорю, – что он действительно похож на Ганса. Ну вот, сказал я самому себе, его прислало само небо, чтобы утешить Ингрид и сделать нашу жизнь терпимой.

Несколько недель мы не знали, выздоровеет ли малыш. Он боролся со своими злыми духами, со своей судьбой. Ингрид день и ночь сидела возле его кровати. Я молил Бога, чтобы он пощадил этого малыша, потому что Ингрид не выдержала бы этой, еще одной, утраты. Мы ввязались в опасную авантюру. Соккрытие еврея, будь это даже какой-то потерявшийся и найденный ребенок, почти до смерти замерзший в снегу, наказывалось смертью. Но я об этом тогда и не думал. По мере того, как малыш выздоравливал, таял и снег, словно природа пробуждалась вместе с его пробуждением и выздоровлением. Хотя было всего лишь начало марта, в воздухе чувствовался запах весны. Тогда мальчик в первый раз вышел из дома во двор. Наш дом стоял на пригорке, откуда видны все окрестности, городок в долине, лес на другом берегу реки и железная дорога, по которой шли поезда. Приходилось внимательно следить, чтобы мальчик далеко не уходил, поскольку он как-то раз отправился через поле к железной дороге, но мы вовремя это заметили и нам удалось его вернуть. Я попытался объяснить ему, да еще так, чтобы Ингрид этого не услышала, что его мама знает, где он, и в один прекрасный день придет за ним. А пока это не случится, нужно быть терпеливым и ждать. Так я постепенно, но все глубже тонул во лжи по отношению и к Ингрид, и к нему. У меня не было выбора. Когда мальчик выздоровел и надел вещи Ганса, когда Ингрид причесала его так, как причесывала нашего сына, этот мальчик действительно во всем стал похож на Ганса. Во всем кроме поведения. Он совершенно не проявлял к нам любви и внимания, хотя и то и другое от нас принимал. Во дворе он шлепал по грязи, умышленно пачкая одежду Ганса, он ножницами укоротил себе волосы, он никогда не отзывался на имя Ганс, за столом отказывался произносить перед обедом слова молитвы. После таких его поступков Ингрид не удавалось остановить слезы. Она в этом мальчике узнавала своего сына, но была растеряна и напугана его отказом признать ее своей настоящей матерью. Я разговаривал с мальчиком как с равным, как со взрослым, объясняя, что мы желаем ему только добра. Да, это была очень сложная, запутанная, печальная история. Жена, для которой я создавал иллюзию, основанную на лжи, верила мне, а этот мальчик, еще не испорченный, неопытный, но созревающий как личность, не принимал обмана. Тем не менее я жил с убеждением, явно ложным, что постепенно смогу его перетянуть на свою сторону, причем еще до дня рождения Ганса.

Я хорошо помню тот день, пятое апреля 1942 года. Ингрид была очень взволнована. С раннего утра прибиралась в доме, испекла торт, какой обычно пекла в дни рождения, празднично оделась. Открыла дверь в комнату Ганса и ввела в нее еврейчика, маленького Альберта. Раздвинула занавески, и комната наполнилась светом. На полу, на кровати, повсюду лежали вещи Ганса, там же, где он их в последний раз положил. Ингрид провела по комнате мальчика, я стоял на пороге, ощущая запах застоявшегося воздуха, пыли и гнили. Я предчувствовал беду. Вдруг мальчик увидел на стене фотографию Ганса и ему показалось, что он видит себя в зеркале. Так же одет, так же причесан, вылитый Ганс. И тут он совершенно ясно понял то, о чем до этого момента только догадывался, – что мы хотели из него сделать кого-то другого, кого-то, чей дух все еще жил в этом доме, а именно двойника нашего исчезнувшего сына. Откровенно говоря, он должен был не только занять его место, но и полностью стать таким же, как тот, другой! И тут произошло то, чего, несмотря ни на что, я не ожидал. Он налился бешенством, ненавистью. Бил по всему, что оказалось рядом, повел себя как маленький дикарь. Потом сорвал со стены фотографию, разломал рамку, бросил фотографию на пол и принялся в бешенстве топтать кусочки разбитого стекла. Никакой благодарности за все, что мы для него сделали! Ингрид не понимала, что происходит. Она только закрыла лицо ладонями. Это было слишком. Я схватил парнишку, должен признаться – схватил грубо, ибо теперь и во мне бушевал бес, как будто это он виновен в смерти Ганса и в страданиях Ингрид. Мальчик сопротивлялся сколько

мог, но я с ним справился, вытащил из комнаты, затолкал в кладовку и закрыл на ключ. «Не выйдешь отсюда, – кричал я, – пока не извинишься за то, что наделал!»

Больше всего меня потрясло, что Ингрид выступила против меня. «Что ты с ним делаешь?! Что ты с ним делаешь?!» – кричала она. Подошла ко мне совсем близко. В ее глазах я видел только ненависть. Это меня поразило. Подошла, чтобы меня ударить. Я сжал ее слабые руки, не имея сил ни оправдываться, ни в чем-то ее убеждать. Но почувствовал непонятное самому и непреодолимое желание отомстить. Я открыл дверь кладовки. «Ты, маленький гадемыш, – сказал я еврейчику, – твои родители бросили тебя навсегда! Они никогда не придут за тобой!» Стоило мне это сказать, как я раскаялся. Но произнесенных слов не вернуть. Мне стало ясно, что я все погубил, что все пошло к дьяволу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.